

Радик Яхин

**Зов
жар-птицы**

Радик Яхин
Зов жар-птицы

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

Зов жар-птицы / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

Даниил, вынужденно отправленный родителями в деревенскую глушь, открывает для себя невидимый обывателю мир славянской мифологии. В доме бабушки Агафьи он впервые встречает домового, полевичков и даже самого Лешего — и понимает: он один из «видящих», способных пересекать грань между Явью (явным миром) и Навью (потусторонним). Но радость открытия сменяется тревогой: из волшебного Ирия исчезла Жар-птица — воплощение света и тепла. Без неё Навь остывает, а вслед за ней начинает замерзать и Явь. Наступает угроза Вечной Зимы.

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин

Зов жар-птицы

Даниил ненавидел тишину. В городе ее не существовало, она тонула в гуле машин, музыке из наушников, бесконечном говоре толпы. А здесь, в деревне Чердынь, тишина была живой, плотной и давящей. Она обволакивала со всех сторон, и в ней слишком отчётливо слышалось собственное дыхание и гулкое эхо старых мыслей о родителях, которые «на время» отправили его к бабушке, пока «разберутся с делами».

Изба бабушки Агафьи стояла на отшибе, у самого леса. Дом был старый, бревенчатый, пахнувший сушёными травами, печным дымом и чем-то неуловимо древним. Даниил сидел на скрипучей лавке у ворот, тыкая палкой в землю, и чувствовал себя самым несчастным человеком на свете. Солнце клонилось к вершинам сосен, отбрасывая длинные, странные тени.

«Всё, конец связи», – пробормотал он, глядя на значок «нет сети» на экране телефона. В этот момент краем глаза он уловил движение. У колодца-журавля что-то копошилось. Не кошка и не птица. Что-то маленькое, коренастое, вроде ёжика, но на двух ногах. Даниил прищурился. Существо, покрытое серебристой шерсткой, с длинными ушами и серьёзными, как у старца, глазами, деловито обходило колодец, похлопывая по срубам лапкой, словно проверяя крепость постройки.

«С ума сошёл», – прошептал Даниил, но не мог отвести взгляд. Существо вдруг замерло и уставилось прямо на него. Их взгляды встретились. В тёмных, умных глазах не было ни страха, ни удивления. Было спокойное, оценивающее любопытство. Потом оно фыркнуло, дымкой выскользнуло за угол сарая и исчезло.

Даниил вскочил, сердце колотилось где-то в горле. Он обежал сарай – никого. Только куры копались в пыли.

– Бабушка! – ворвался он в избу. – Там... там у колодца что-то было!

Агафья, круглая, как колобок, женщина с мудрыми морщинами у глаз, не оторвалась от замешивания теста. – Ну и что? Котёнок, птенец?

– Нет! Какой-то... гномик! С ушами!

Бабушка замедлила движения. Посмотрела на него внимательно, не как на ребенка, а как на что-то важное и неожиданное. – Опосля заката у колодца шалит дедок-домовёнок. Старый уже, сторож. Видно, тебя проверял. Новый человек в доме.

Даниил замер с открытым ртом. Он ждал смеха, успокаивающих слов про воображение. Но не этого.

– Ты... ты веришь в эту чушь?

– Чушь, – усмехнулась Агафья. – Мир, Данька, на трёх китах стоит: на Яви, на Нави и на Прави. Мы в Яви, в мире явном. А есть мир Нави – незримый, тонкий. Там свои жители. И очень редко, раз в несколько поколений, рождаются люди, что могут видеть оба мира сразу. Видящие. Похоже, ты из таких. И кровь, видать, моя в тебе проснулась.

Следующие дни перевернулись с ног на голову. Мир деревни Чердынь расцвел новыми, невероятными красками. Теперь Даниил видел их повсюду. В бане за печкой грелся тот самый домовый, которого он назвал Кубой – за любовь к старому медному кубу для углей. В огороде, среди капусты, резвились пузатые капустники-полевички. Над рекой, в туманном мареве на заре, он различал бледные, печальные силуэты русалок-берегинь, плетущих из лунных лучей свои сети. А однажды, заблудившись на краю леса, он столкнулся с самим Лешим. Тот был высок, как старая сосна, одет в мох и кору, а глаза у него горели, как два изумрудных угля. Леший не сказал ни слова, лишь хрустнул сучьями – пальцами, и тропинка чудесным образом возникла у самых ног Даниила, выводя его к дому.

Он начал вести дневник, зарисовывая увиденное. Он больше не чувствовал себя одиноким. Этот тайный мир был захватывающим и... правильным. Но однажды утром он проснулся от непривычного холода. На печи не грелся Куба. На улице стоял конец августа, но дыхание зимы витало в воздухе. Исчезли капустники. Река стала молчаливой и чёрной. А из леса, вместо привычного шелеста и щебета, доносился лишь тревожный, предостерегающий гул.

Бабушка Агафья стояла на пороге, глядя на поплёкшее, холодное солнце. Лицо её было печальным и строгим.

– Баланс нарушен, – тихо сказала она. – Ушла. Чувствую.

– Кто? – спросил Даниил, но в глубине души уже знал ответ.

– Жар-птица. Она не птица в клетке. Она душа тепла, свет летнего солнца, искра жизни в самом сердце мира Нави. Она летает между мирами, и где пролетает её крыло – там распускаются цветы, зреют плоды, души согреваются надеждой. Если её нет... Навь остывает. А следом и Явь. Начинается Зима, которая не кончится никогда.

Той же ночью к избе подошли двое. Парень лет девятнадцати, коренастый и сильный, с умными, быстрыми глазами – Лев. И девушка, чуть старше Даниила, с тёмными, как лесная ночь, волосами и бледным лицом – Арина. В их взглядах светилось то же особенное понимание, что и у него.

– Мы видешие, – просто сказал Лев. – Из соседних деревень. Твоя бабушка нам знак дала. Баланс рушится. Исчезновение Жар-птицы – это не случайность. Что-то или кто-то выманил её из гнезда в Ирии и заточил в Нави, в самых глубоких и тёмных её слоях. Чтобы погасить свет. Чтобы наступила Вечная Зима.

– Нам нужна твоя помощь, Даниил, – сказала Арина. Её голос был тихим, но твёрдым. – Ты новичок, твой дар ещё не замутиён страхами и правилами. Ты видишь чище. И ты уже видел Лешего, а он – хранитель границы. Он указал тебе путь тогда. Он укажет и теперь.

– Куда? – спросил Даниил, и в груди у него забилося что-то горячее и тревожное.

– В Навь, – ответил Лев. – Туда, где нет дорог для обычных людей. Туда, где тени оживают, а мысли обретают форму. Мы должны найти Жар-птицу и вернуть её в Ирий. Иначе наш мир, мир Яви, умрёт, застынет во льду и мраке.

Даниил посмотрел на бабушку. Та кивнула, и в её глазах стояли слёзы гордости и страха. Он взял свой рюкзак, куда положил дневник, краюху бабушкиного хлеба и старый медный свисток, подаренный Кубой «на всякий случай».

– Я иду, – сказал он.

Путь к границе миров лежал через Сердцевинный лес – древний, непроходимый для обычных людей массив, где правила свои законы Леший, он же – Сватко. Лев знал тропы, Арина чувствовала скрытые опасности, а Даниил... Даниил видел саму ткань Нави, проступающую сквозь Явь. Он видел, как сгущается магическая дымка у корней дуба-великана, как в каплях росы на паутине отражаются не земные пейзажи, а какие-то иные, искривлённые пространства.

Сватко ждал их на поляне у камня-алатыря, поросшего мхом и древними рунами. Он был ещё более грозным вблизи, но в его изумрудных глазах не было злобы.

– Решили по миру губителю щелчок по носу нанести? – проскрипел он, и голос его походил на шум ветра в вершинах. – Молодо, зелено. Жар-птицу не просто так выманили. Чуете, тень над миром легла? Тень от крыла большого. Тот, кто это сделал, жаждет не просто зимы. Он жаждет покоя небытия. Имя его страшно произносить в слух.

– Кто он? – спросила Арина.

– Навий царь? Нет, хуже. Он – Забвенец. Дух изгнания, порождение самой древней обиды мира. Он когда-то служил Праву, но возжелал власти над всеми тремя мирами. Его сковали и сослали в самые глубины Нави. Но цепи ослабли. И первое, что он решил украсть, – это свет и

тепло. Жар-птица – ключ к жизни. Без неё миры ослабеют, и он сможет разорвать последние путы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.